

Ганюшина М. А.

РОЛЬ СИМВОЛА В ФОРМИРОВАНИИ И СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/24.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 56-59. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ственной утрате вкуса, что эстетический компас, выверенный в «ночных дорогах», «сбоит» в иных текстах что в газдановских романах появился нестерпимый привкус Ремарка. Этот привкус, рассуждает наблюдатель, тем более нестерпим, чем более замечателен его русский язык, плавность течения сюжета» [Березин 1999: 75]. Как показывает история литературы, писатель, даже хорошо владеющий несколькими языками, создает серьезные произведения только на одном языке. Газданов прекрасно владел французским языком. Характерно, что в письме к М. Горькому (в марте 1930 года) Газданов писал: «...я плохо и мало знаю Россию, так как уехал оттуда, когда мне было 16 лет, немного больше; но Россия моя родина, и ни на каком другом языке, кроме русского, я не могу и не буду писать». Цит. по: [Орлова 2003: 120]. Г. Газданов стал одним из самых самобытных русских писателей зарубежья, со свойственным только ему «легким потоком языка», живописностью, изобретательностью и непогрешимым вкусом.

Список использованной литературы

1. Березин В. С. Газданов и массовая литература // Вестник института цивилизации / Ред. и сост. А. Черчесов. - Владикавказ, 1999. - Вып. 11. - С. 75-80.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
3. Винокур Г. О. Культура языка. - Изд. 2-ое. - М.: «Федерация», 1929. - 335 с.
4. Голубева И. В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - Краснодар, 2002. - 45 с.
5. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. - М.: Научный мир, 1999. - С. 236-257.
6. Караулов Ю. Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. - 1992. - № 6. - С. 5-18.
7. Карцевский С. И. Из лингвистического наследия. - М.: Языки русской культуры, 2000. - 342 с.
8. Левин Ю. И. Истина в дискурсе // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. - С. 643-675.
9. Орлова О. М. Газданов. Жизнь замечательных людей: Серия биографий. - М.: Молодая гвардия, 2003. - 275 с.
10. Русский язык зарубежья / Под ред. Е. В. Красильниковой. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 343 с.
11. Русский язык и советское общество (РЯСО). Лексика современного русского литературного языка. - М.: Наука, 1968. - 230 с.
12. Степанов Ю. С. В перламутровом свете парижского утра... Об атмосфере газдановского мира // Возвращение Гайто Газданова. - М.: Русский путь, 2000. - С. 25-39.
13. Телия В. Н. Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические перепоутья) // Семиотика, лингвистика, поэтика: К столетию со дня рождения А. А. Реформатского. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 266-278.
14. Тихомиров В. Р. Слизь на языке // Личность в пространстве языка и культуры. - Москва-Краснодар, 2005. - С. 359-365.

РОЛЬ СИМВОЛА В ФОРМИРОВАНИИ И СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ганюшина М. А.

Ульяновский государственный университет

В условиях взаимопроникновения культур различных стран и народов особую важность приобретает исследование коэффициента понимания в процессе межкультурной коммуникации. Будучи актуальной, проблема символических свойств языка и языкового знака в рамках языковой картины мира (ЯКМ) открывает перспективу более глубокого осмысления взаимосвязи языка и культуры.

Понимая под языковой картиной мира субъективно-объективное динамическое многоуровневое образование с доминирующим компонентом - лексико-семантической системой языка в рамках общей и национальной культуры, мы исходим из того, что её формирование и становление происходит в ходе символического закрепления фактов чувственного восприятия, понимания и оценки явлений объективной действительности в национально-языковом сознании, в опыте взаимодействия языковых концептов, образов и символов на протяжении культурно-исторического развития языка.

Являясь вершиной эволюции форм человеческого мышления, язык одновременно имеет мифопоэтическое происхождение. Поэтому за основу алгоритма описания ЯКМ следует принять мифологические образы и символы, как наиболее значимые константные компоненты ЯКМ, имея в виду переход к аналитическому рассмотрению символа и знака. Иными словами, слово можно рассматривать как символ, семиотическую формулу того или иного мифопоэтического образа, поскольку мифологическое мышление, в отличие от логического мышления, носило пространственный, конкретный характер, предмет воспринимался на чувственном уровне и его образ отражал только то, что можно было видеть и ощущать. Субъект и объект представляли собой единое целое, где слиты природа и человеческое общество, с одной стороны, и единичность и множественность, с другой. Долгое время не осознанная человеком единичность воспринималась как множественность, но находила своё отражение в образах. Прежде, чем человек сумел вычленив себя из природы, создаваемые им образы мира свидетельствовали об их неразрывности. Так, явления неживой природы выражались через элементы человеческого тела и наоборот. И по сей день для ЯКМ характерна антропоцентричность: *рукой подать*: англ. "it's but a step from smth."; *много - с головы до пят*: англ. "from head

to foot”, “from top to toe”; *полон рот (забот)*: англ. “one is up to one’s ears in trouble (work)”; “one has one’s hands full”; *мало - в один присест*: англ. “at a sitting”; *темно - ни зги не видно*: англ. “you can’t see a foot before your nose” и др.

Согласно П. А. Флоренскому, символика обязательна, она исторически устойчива и дана, с одной стороны, как нечто готовое, а с другой, как наше проявление. Мотивационный аспект символа, его выявляемые смысловые возможности зависят от концептуального алгоритма, характерного для того или иного языка, поскольку он отражает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, условия его существования. Однако многие учёные (Э. Кассирер, П. А. Флоренский, В. Н. Топоров, М. М. Маковский, Н. В. Иванов и др.) указывают как на содержательное различие знака и символа, так и их постоянное взаимодействие.

Выдвигая онтологическую природу символа, П. А. Флоренский определял символ как «бытие, которое больше себя». Он писал, что «под символом можно разуместь всякую реальность, которая несёт в своей энергии энергию другой, высшей по ценности, по иерархии реальности» [Флоренский 1999: 477-478]. Иными словами, посредством символов мы общаемся с реальностью и соприкасаемся с тем, что было отрезано до сих пор от нашего сознания. Изображением мы видим реальность, а именем слышим её, символы - это «отверстия, пробитые в нашей субъективности». Язык, слово и имя символичны. Язык символов «заложен в самом творении нас... как неотделимый от самого существа нашего, как такой, без которого мы не были бы вообще возможны, то есть как априорный» [Флоренский 2000: 424-425].

В процессе эволюции происходит постепенный переход от низших символических форм к высшим. В основе этого процесса находится миф или символ, а кульминационным моментом - языковое значение, как результат постепенного накопления знаковых качеств. Этот процесс известен как семиогенез.

На новом этапе той же эволюции языковой знак начинает раскрывать заложенные в нём символические возможности и выходить за пределы его прямого предназначения. Иными словами, языковой знак, находясь на грани языковой и действительной реальности, начинает выражать символические идеи, влиять на семантику выражения, тесно взаимодействовать с культурным пространством и современными ассоциациями. Данный этап эволюции В. Н. Иванов определяет как семиозис, который служит необходимым завершением семиогенеза. Он указывает, что объективная и субъективная реальности по-разному взаимодействуют в языковом знаке и в символических формах. В символе онтологическим приоритетом обладает субъективная реальность, которая представлена переносным значением. В этом значении отражено видение и понимание мира субъектом, а не то, каким этот мир является сам по себе.

В. Н. Иванов отмечает два качества, взаимодействующие в процессе семиозиса, т.е. в опыте смыслового развития значения в языковом знаке: с одной стороны, непредсказуемость контекста, в котором знак может оказаться, а с другой - контекстная смысловая предсказуемость и предопределённость знака. Появление каждого нового значения вызывает ассоциацию всего предыдущего употребления и предопределено всем смысловым опытом значения. Однако каждое употребление отрицает предыдущий смысловой опыт и является чистой смысловой случайностью. Таким образом, в языковом значении проявляется способность символизации, и языковой знак, слово в этом случае становится символом. «В знаке возникают новые условия бытия - это бытие не внешней (как в символе), а внутренней формы, т.е. некоторый порядок смыслового определения языкового значения. В знаке начинается этап собственно языкового символизма» [Иванов 2002: 263].

Следовательно, в символе как элементе культурной информации можно выделить следующие характерные черты: а) архаичность, с точки зрения сегодняшнего дня; б) смысловая и структурная самобытность; в) динамичность; г) широкий смысловой потенциал; д) вариативность. Эти признаки позволяют символу сохранять в сжатой форме значимую культурную информацию, передавать её из прошлого в будущее, вступать во взаимодействие с современным культурным контекстом и влиять на него. С помощью широкого смыслового резерва символ не позволяет выявить всё его содержание через план языкового выражения, но может образовывать неожиданные связи, меняя сущность и деформируя текстовое окружение.

Таким образом, мы придерживаемся определения символа, данного Н. В. Ивановым в более широком его понимании: символ - это слово, помещённое в культурный контекст и представленное во всей совокупности его смыслового опыта.

Вышеизложенные теоретические положения подтверждаются исследованием широкого фактического материала.

Согласно древним библейским представлениям, тело человека сравнивается с Космосом (микрокосм), основу которого представляют скелет, кости. По верованиям многих народов, в костях сохраняется дух живого существа, и если их сохранить, то есть гарантия его возможного оживления. Отсюда выражения: *to feel smth. in one’s bones*: русск. «чувствовать всем существом, нутром»; «быть совершенно уверенным в чём-либо»; *bred in the bone* «врождённый, природный» и т.д. Русское выражение *перемывать кости*, т.е. «распускать слухи» переосмысливается и реализуется в английском языке как “dish the dirt”

Интересна русская идиома “*остаться с носом*”. Смысл этого выражения проясняется, если учесть др.-англ. *hrossian* «бить, ударять» т.е. в буквальном смысле «быть побитым». В этой связи можно сравнить также греч. *vovoc* “болезнь”. Английские соответствия передают смысл данной идиомы иными лексическими средствами: “be left out in the cold”; be a fool for one’s pains; “get the cheese” и др.

Предметный, вегетативный и зооморфный коды, формирующие языковые картины мира всех народов, основаны на предметах, растениях и животных данного региона, на их характеристиках и свойствах, которые используются людьми в их житейских надобностях. Однако очень часто в их список входят мифологические предметы, растения и животные, наделенные несвойственными для них характеристиками и качествами. Поэтому в разных языках одни и те же ситуации описываются с помощью разных мифологических сюжетов и образов. Так для вегетативного кода носителей английского языка характерны следующие растения: чертополох, нарцисс, тыква, клевер, плющ. Как известно, чертополох, олицетворяющий независимость и способность защитить себя, стал символом сначала Шотландии, а затем и всей Англии. Отсюда, старая золотая монета с изображением чертополоха на оборотной стороне называется *thistle noble*, т.е. значение лексемы *thistle* приравнивается к значению «шотландский». Выражение *some pumpkins* имеет значение «важное дело, важная персона». С нарциссом ассоциируется эгоизм, поэтому английское слово *narcissist* употребляется в значении «самовлюбленный человек».

Интересны выражения с лексемой *bush*, прямое значение которой «куст»: *good wine needs good wine needs no bush*: русск. «хорошее вино не нуждается в рекламе» или «хороший товар сам себя хвалит» *to beat about the bush*: русск. «ходить вокруг да около». В данных идиомах значение *bush* восходит к диалектному значению «заклечь в оболочку, поместить в ёмкость, контейнер». Следует также учесть сленговое *bush* в значении «измучить, истощить». Следовательно, буквальный перевод будет следующим: «биться о преграду», иными словами «не находить выход». В выражении *to take to the bush* лексема *bush* имеет значение «густые волосы на голове», которое появилось в результате ассоциации с невозделанной землёй, покрытой кустарником. Человек же с густорастущими, неухоженными и нестриженными волосами напоминает бродягу. Отсюда значение выражения *to take to the bush*: русск. «стать бродягой».

В список вегетативного кода картины мира русского языка вошли такие растения, как: липа, белена, дуб, трын-трава, не существующая ни в современных гербариях, ни в старинных травниках. Однако следует учесть, что *трын-трава* — это любой сорняк, растущий на огороде вдоль забора, до которого хозяину обычно нет дела: ср. др.-инд. *tṛṇa* «трава». Такие русские выражения, как *ему всё трын-трава, дать дуба*, не нашли своего прямого выражения в английском языке. В английской языковой картине мира идея смерти, например, передаётся через лексему «ведро»: *kick the bucket* (досл. «пнуть по ведру»). Однако следует учесть, что в английском диалекте *bucket* имеет значения: «обманывать, мошенничать», «портить, губить». Поскольку значение «обманывать, мошенничать» соотносится со значением и.-е. **geu-* «гнуть», которое, в свою очередь, типологически соотносится со значением и.-е. **ghaṛo-* «поддельный, фальшивый», идиому *kick the bucket* можно интерпретировать как «пнуть подделку», под воздействием чего она придёт в негодность.

С точки зрения символического содержания, обращает на себя внимание английское выражение *apple-pie order* (досл. «порядок яблочного пирога») «образцовый безупречный порядок». В результате анализа символики лексем «apple» «яблоко» и «pie» «пирог», были выявлены общие символические элементы. Как яблоко, так и пирог олицетворяли собой Божество, божественную силу. Таким образом, яблоко - символ божественной целостности и всего святого. Что касается пирога, то вплоть до наших дней с ним связаны все ритуальные таинства, соотносимые с циклическими изменениями в процессе солнечного года. Съедание пирога трактовалось как приобщение к Богу. Пирог считается символом вечной жизни. Итак, символическое содержание лексем «apple» и «pie» позволяет понять ассоциации выражения *apple-pie order* с «образцовым порядком».

Оборот *to tie a can to smb/ or on smth.* (досл. «привязать банку к кому-либо или чему-либо») означает «избавиться от кого-либо или от чего-либо». Поскольку, согласно символике, банка хранит что-то секретное, и это что-то может быть как опасным, так и полезным, поэтому её привязывают с целью избавиться. Также известно, что, связывая что-то узлом, можно навлечь беду или нанести вред. Например, связывая здоровье, добро и счастье, мы нанесём им вред, т.е. избавимся от них. Отсюда становится ясным выражение *to tie a can to smb/ or on smth.*

Таким образом, в процессе культурно-исторической эволюции человеческого сознания наступает момент, когда язык и культура достигают своих наивысших состояний. В этих условиях языковой знак, находясь на грани языковой и действительной реальности, начинает тесно коррелировать с культурным пространством, мифом, современными ассоциациями, влияя на семантику выражения. Границы между культурой и языком становятся условными, поскольку язык начинает выступать важнейшим фактором, семиотической основой культуры, «домом бытия». Под воздействием культурно-креативной деятельности человека языковой знак получает способность давать имя тому или иному явлению или факту, которые вступают в культурное пространство. В этих условиях в слове раскрывается символическая реальность языка. Каждый элемент языка на протяжении своего существования, накопив огромную энергию, становится самостоятельной силой и обретает способность, моделируя мир, создавать его заново.

Список использованной литературы

1. Иванов Н. В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семиозиса: Дисс. на соискание ... доктора филол. наук. - М., 2002. - 377 с.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2004. - 704 с.

3. **Маковский М. М.** Большой этимологический словарь современного английского языка. - М.: Издательство «Азбуковник», 2005. – 526 с.
4. **Флоренский П. А.** У водоразделов мыслей (черты конкретной метафизики): Соч. в 4-х тт. - М.: Мысль, 1999. - Т. 3(2). - 623 с.
5. **Флоренский П. А.** У водоразделов мыслей (черты конкретной метафизики): Соч. в 4-х тт. - М.: Мысль, 2000. - Т. 3(1). - 621 с.
6. **Chevalier J., Gheerbrant A.** Dictionnaire des symboles. - Paris: Editions Robert Laffont, S.A. et Editions Jupiter, 1982. - 1062 p.
7. **Lurker M.** Wörterbuch der Symbolik. - Stuttgart: Kröner, 1991. - 871 s.

ОСОБЕННОСТИ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Гараев А. И.

Казанский государственный университет

Изменения в России рубежа XIX-XX веков затронули все сферы - от философии и искусства до общественной морали. Разумеется, подобная, часто достаточно радикальная, смена парадигм не могла не найти отражения в литературе, в том числе - и в литературе массовой.

Но так как само понятие «массовая литература» не имеет четкой дефиниции в современном литературоведении, прежде чем рассмотреть особенности массовой литературы данного периода, рассмотрим характерные свойства массовой литературы вообще.

Проблема выбора критериев, на основании которых происходит разграничение литературных рядов и определение литературного статуса произведения, до сих пор активно обсуждается и является вопросом спорным. Действительно, массовая литература - это вовсе не обязательно примитивное и безвкусное развлекательное чтение, характеризующееся низким уровнем текста, как совершенно справедливо отмечает Л. Гудков: «Массовая литература свободно оперирует со сложными приемами и литературными конструкциями, но использует их лишь для своих собственных целей и задач, крайне редко имеющих значение для музифицирующей филологии, видящей только «памятники»» [Гудков 1996: 93]. На наш взгляд, именно цели и задачи, которые ставит перед собой автор произведения, и являются основным критерием для определения принадлежности текста к массовой литературе, отграничения его от низкого уровня беллетристики и литературы графоманской. Главенствующей целью для писателя в этом случае является создание коммерчески успешного литературного произведения (следует отметить, что на успех у публики, в том числе и коммерческий, в той или иной мере рассчитывает практически каждый автор, но лишь для автора массовой литературы эта цель является главенствующей, первоочередной).

Именно эта цель определяет особенности массовой литературы, и в первую очередь - четкое следование вкусам аудитории, стремление заинтересовать ее. Стремясь обратить на свое произведение внимание публики, автор широко применяет опознавательные «метки», расставленные как в самом тексте произведения, так и в его названии и определении жанра. Читатель-покупатель должен четко представлять, что именно ему предлагает автор.

Но человеку свойственно воспринимать новое и неизвестное через сравнение с уже понятным и известным (это отмечают, в частности, Э. Райс и Дж. Траут в своей знаменитой книге «Позиционирование: борьба за узнаваемость»: «Защищаясь от колоссального объема сообщений, человеческое сознание отсеивает основную объем предлагаемой ему информации и принимает только то, что соответствует уже имеющимся знаниям и опыту. <...> По такому принципу живет большинство людей» [Райс, Траут 2004: 16]), так что не удивительно, что в рамках массовой литературы оформляется четкая система клише, которыми авторы *осознанно* пользуются. «Стереотипность техники здесь заранее принятое условие игры» [Гудков 1996: 94]. Таким образом, «неуникальность, неоригинальность замысла и исполнения, тиражируемость приемов и конструкций» [Черняк 2002: 335] являются не столько результатом плагиата или тиражирования удачных находок предшественников, сколько своего рода «кодифицированным рукопожатием», приобретающая характер скорее ритуальный.

Новизна же для произведения массовой литературы часто может оказаться опасной - потенциальный читатель рискует не опознать его как «свое» и пройти мимо, предпочтя более стандартное, но более понятное произведение. Как отмечает Т. Морозова в статье «После долгого воздержания», «если разрушение традиций литературных может способствовать (при условии, что нарушитель талантлив) и созданию новых или нарушению старых, то нарушение законов жанра неотвратимо ведет к неудаче» [Морозова 1997: 178]. Таким образом, все новые находки в произведениях массовой литературы так же остаются в рамках установленных и принятых шаблонов. «Таковы вообще природа и участь беллетристического новаторства, рождающего нечто общедоступное и чреватое повторениями» [Маркович 1991: 56] - эти слова вполне могут быть отнесены и к литературе массовой. Разумеется, подобная установка на общедоступность и понятность накладывает серьезные ограничения на формальную составляющую произведений массовой литературы. Массовая литература - это литература форм устоявшихся, стабильных и зафиксированных, характеризующихся четко выраженными и, что крайне важно, легко узнаваемыми канонами. Как отмечает Яковлева А. М. в своем исследовании «Кич и художественная культура»: «Неудачное абстракционистское полотно - не кич, равно как и неудачная симфония. Кич включает в себя обязательную потенциальную возможность отожд-